

ТРАКТОВКА ПРИРОДЫ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА

И.В. Дёмин, Н.М. Богданова

Самарский государственный
аэрокосмический университет
им. С.П. Королёва;

Самарский государственный университет
ilyadem83@yandex.ru, bo-na-mi@yandex.ru

В статье рассматривается и анализируется трактовка понятия природы в философии русского космизма, выявляется ее связь с идеей бессмертия. Проводятся параллели между трактовкой идеи бессмертия в русском космизме и трансгуманистическим проектом антропоконструирования.

В философии русского космизма понятие «природа» имеет два основных значения: 1) сущее или совокупность всего сущего; 2) порядок или строй бытия, определяющими характеристиками которого выступают феномены рождения и смерти. Н.Ф. Фёдоров подчеркивает неразрывную связь рождения со смертью: природа как сущее есть нечто рожденное и смертное, рождающееся и умирающее. В философии русского космизма не проводится различие между внутренней и внешней природой, между природой «вне человека» и природой «в самом человеке». Природа и «природное» в русском космизме, вопреки сложившейся практике словоупотребления, не отождествляется с «естественным» (и «сущностным»), а противопоставляется ему. Смерть природна в том смысле, что она является оборотной стороной и следствием рождения, но она не естественна, она не происходит из «естества» или сущности человека. Отсюда следует главный нравственный императив философии Фёдорова – борьба со смертью и обретение бессмертия. Конкретным путём обретения бессмертия выступает «регуляция природы». Под «регуляцией природы» понимается способность управлять стихийными разрушительными силами как в самом человеке, так и вне его. Регуляция природы направлена на преобразование природного порядка существования. В русском космизме преодолеваются крайности технократизма и экологизма в понимании природы и в оценке преобразующей природу человеческой деятельности. Многие ключевые философские идеи Фёдорова и других представителей русского космизма созвучны современному трансгуманизму.

Ключевые слова: природа, русский космизм, идея бессмертия, регуляция природы, трансгуманизм.

Актуализация идейного наследия русского космизма не только в России, но и в мире в последнее десятилетие связана со все более отчетливым осознанием тупикового характера современной техногенной цивилизации и «общества потребления» и с попыткой найти продуктивные альтернативы господствующей модели цивилизационного развития.

В качестве одной из таких альтернатив позиционирует себя современное трансгуманистическое движение, инициирующее

возобновление философских и мировоззренческих дискуссий и возрождающее интерес к антропологической проблематике в культуре [5, с. 320].

Философия русского космизма является не только общепризнанным идейным источником трансгуманизма, но также и адекватным *концептуальным основанием*, позволяющим обсуждать наиболее значимые вопросы трансгуманистического ми-

ровоззрения. Это, впрочем, не означает, что космизм следует рассматривать как нечто вполне оформленное и завершенное. Русский космизм, каким он предстаёт на основании знакомства с работами Н.Ф. Фёдорова, В.Н. Муравьёва, Н.А. Сетницкого, А.К. Горского и других философов, – это не столько целостная философская система, сколько эскиз или беглый набросок таковой.

Космизм является, пожалуй, единственным направлением в русской философской мысли, в котором ставится задача радикального пересмотра традиционного понимания основания человеческого существования и формулируется глобальный по своему масштабу (и по своим возможным последствиям для человеческой цивилизации) проект – бессмертие. В современном трансгуманизме центральная для русского космизма идея бессмертия трансформируется в проекты «кибернетического бессмертия» и «антропоконструирования».

В данной статье мы рассмотрим трактовку *природы* в философии русского космизма и выявим ее связь с идеей бессмертия.

Многие недоразумения, возникающие в ходе обсуждения проектов антропоконструирования, представленных в современном трансгуманизме, проистекают из превратного толкования понятия *природы*, а также вследствие смешения различных значений этого термина. Как правило, это понятие берется в некоем «усредненном» значении, приближенном к обыденному словопотреблению. Под «природой» понимают либо «естественную среду обитания человека» (в противоположность искусственно созданной среде – культуре), либо «совокупность всего сущего», либо «противостоящий человеку (субъекту) объективно существующий, развивающийся по сво-

им законам и независимый от него мир» [4, с. 346]. В то же самое время «природа» может означать «сущность чего-либо» (так, говорят, например, о «природе человека», «природе искусства» и т. д.).

Сложность философского анализа различных проблем, так или иначе связанных с этим понятием, связана с тем, что «природа» представляется чем-то само собой разумеющимся и очевидным, не требующим особого внимания. Но эта очевидность обманчива. То, что значение понятия «природа» менялось в истории философии, всем известно, но о том, что современные философские рассуждения могут направляться различными идеями или «интуициями» природы, часто забывают. Поэтому прежде чем перейти к анализу проблемы «природа и бессмертие» в русском космизме, рассмотрим некоторые этимологические вопросы.

А.В. Ахутин, сопоставляя античный и новоевропейский способы понимания природы, отмечает: «то, что древнегреческие “физиологи”, медики, исторнографы, философы обозначали словом “фюсис”, в корне отлично от того, что философы и ученые XVII в. именовали “натурой”, “природой”. Различие это столь значительно, что перевод обоих слов словом “природа” может показаться смешением омонимов. Суть этой омонимии легко пояснить, поскольку она сохранилась в современном словоупотреблении. Так, мы говорим, например, “закон природы” и “природа закона”, “красота природы” и “природа красоты”, “познание природы” и “природа познания”» [1, с. 164]. При этом «фюсис» – слово, всегда требующее или подразумевающее генетив субъекта (природа чего?), – близка второму типу употребления слова «природа»: «У каждой “сущности” своя

“фюсис”, когда же рассматривается космос или все в целом и слово “фюсис” говорится применительно к нему, целое мыслится как особая самоцельная сущность со своей природой» [1, с. 164]. «В разительной противоположности так понимаемой “фюсис” “натура” как предмет и предпосылка научного естествознания представляет собой нечто бесконечное, как раз выходящее за рамки любой индивидуальной формы и определенности, однородное. Ее субстанциальная самобытность лишена определенных цели или причины» [1, с. 164].

В приведенном фрагменте четко обозначены два способа понимания «природы». Природа как «фюсис» означает *сущность* чего-либо, какого-либо сущего (так, выражения «природа человека» и «сущность человека» синонимичны). Природа как «натура» означает *сущее*, в своем существовании независимое от человека. Природа как натура – это совокупность сущего, не зависящая от активности субъекта, но в то же самое время являющаяся *объектом* этой активности.

Природа в новоевропейском ее понимании (природа как «натура») коррелирована с деятельностью субъекта: она «независима» от субъекта, существует вне и помимо него, но в то же время она *с самого начала* выступает в качестве объекта познания и преобразующей активности.

Понять сущность «природы» в ее новоевропейском значении помогает анализ таких выражения, как «покорение природы», «эксплуатация природы», «регуляция природы». Что означает здесь «природа»? Не что иное как *спонтанность процессов*. «Спонтанное», «самопроизвольное», «нерегулируемое» – синонимы «природного». Природу можно и нужно покорять, регулировать или эксплуатировать в том случае, если она

имеет свою собственную логику изменения и развития, если она в своем бытии не нуждается в человеке, другими словами, если она «объективна».

Важное значение для уяснения специфики бытия природного сущего имеет этимология русского слова «природа». Слово «природа» является однокоренным со словами «род» и «рождение». Природное – это рожденное, рождающееся и, соответственно, смертное, умирающее. Правда, сказанное относится к так называемой «органической» или «живой» природе. О камнях мы не говорим, что они рождаются и умирают. Впрочем, данное уточнение не имеет для нас большого значения, поскольку речь идет о проблеме бессмертия *человеческого существа*. Человек, как принято полагать, сам является «частью» органической природы, поскольку тело человека – это биологический организм.

«Природа» в ее наиболее распространенном и «усредненном» современном значении понимается как *нечто естественное*. Не случайно синонимом «природы» являются «естество» и «натура». «Природное» – это «естественное» или «натуральное».

Наряду с этим понятие «природа» также часто используется в значении *сущности* чего-либо, какого-либо явления.

Что означает выражение «природа человека»? Как правило, это выражение используется в значении «сущность человека», но к этому значению часто примешивается еще и смутное понимание того, что человек в определенном смысле является «частью природы», что в нем имеется что-то и «от природы», что он, наконец, сам «вышел из природы». В результате происходит *смешение* понятий «сущность человека» и «природа человека», возникает иллюзия, что природа «в человеке» – это какая-то *иная*

природа, нежели та, что существует «вне» человека. А между тем природа «в человеке» и природа «вне человека» — это *одна и та же природа*, ибо «природа» и есть то, что в своем бытии не нуждается в человеке, его усилении и «посредничестве», то, что существует/происходит *спонтанно, «само собой»*.

«Природа человека» — это все то, что, присутствуя в человеческом бытии, создавая возможности и/или накладывая ограничения, тем не менее существует *без участия человека*. Природа в нас — это все то, что мы *не контролируем*; это все то, чем мы *не управляем* (либо в силу нежелания, либо вследствие невозможности, либо по причине нецелесообразности этого). Природа человека — это природный (биологический) *субстрат* его существования. Наиболее последовательно такое понимание природы проводится в философии русского космизма, прежде всего в философии Н.Ф. Фёдорова.

Базовая интуиция русского космизма — это идея *единства природы*. В философии русского космизма нет различения на «внутреннюю природу» и «природу внешнюю», на природу «вне человека» и природу «в самом человеке».

Смерть мыслится в русском космизме как результат работы слепых природных сил. Поэтому «познать и покорить природу — это значит достигнуть бессмертия» [12, с. 364].

Не вызывает сомнений, что и в русском космизме, и в современном трансгуманизме проект бессмертия опирается на религиозную идею *спасения*. При этом *спасение* мыслится как *активно достигаемое* в самом человеческом бытии, а не *даруемое* трансцендентным Богом. Здесь следует уточнить: *кто* или *что* спасается, нуждается в спасении? Ортодоксальный ответ на этот вопрос звучит так: это (бессмертная) душа че-

ловека, человек как носитель бессмертной души. Такая позиция неоднократно уличалась космистами (и не только ими) в «религиозном эгоизме». В.Н. Муравьев писал об этом: «Теперь нужно спасать не свою душу только, но весь этот погибающий и утопающий в грязи и повседневности мир» [3, с. 290]. В этом стремлении спасти не только «душу», но и всю природу, пожалуй, заключается наиболее характерная черта русского космизма.

Спасение *природы* означает не что иное, как её *преображение, обожение*. «Обожение» здесь — это термин не столько *религиозный*, сколько *онтологический*. «Вся природа, — пишет В.Н. Муравьев, — стремится воскреснуть и слиться с Богом, обожиться, стать Богом. В человеке она создала себе для этого усовершенствованное орудие. Человек не может быть отделен от своих предков животных и даже растений, и даже камней и газов. Но отличительная его черта заключается в том, что он не только воскресает сам, но воскрешает других и себя и тем участвует в Боге активно. Средствами, направляющими акт воскрешения, являются память, сохраняющая имена прошлого, и разум, проектирующий будущее, т. е. судящий весь процесс с точки зрения выбора наилучшего и желаемого» [3, с. 290]. Человек в космизме (во всяком случае, в его религиозном направлении) рассматривается как *антиэнтропийная* сила, как орудие *преобразования природы*. Исходя из онтологической модели русского космизма можно с равным основанием сказать, что преобразование природы есть её *обожение* или *очеловечивание*. Содержание у этих понятий в данном случае одно.

Еще более отчетливо этот мотив очеловечивания природы (природы в широком значении слова, природы *вне человека* и природы *в самом человеке*) прослеживается в

философии Фёдорова. «Настоящая жизнь, что называется земная жизнь... ограничиваемая кратким временем и тесным пространством (если человек свободен, то свободен, как птица в клетке), по мере того как условия, в которые поставлен человек, будут обращаться в орудия его воли, т. е. по мере исполнения долга, заключающегося в управлении слепыми силами природы, настоящая земная жизнь будет расширяться до границ самой природы, ибо сама природа, сознавая в нас свою несвободу, чрез нас же обращается в мир свободных, бессмертных личностей» [11, с. 168]. Под «настоящей земной жизнью» Фёдоров, очевидно, понимает не что иное, как *человеческую* жизнь. Замысел Фёдорова заключается в том, чтобы границы и возможности *человеческого* существования расширились до границ самой *природы*. Это и будет означать *очеловечивание* или *преображение* природы.

В философии Фёдорова для обозначения идеи преобразования, очеловечивания природы используется термин «регуляция». Регуляция – это управление естественными (стихийными, спонтанными, природными) процессами. Регуляция природы – это *путь*, на котором достигается бессмертие. Это *способ* достижения бессмертия. «Регуляция, в смысле способности управления материальной природою, не требует бесконечного времени для своего осуществления. Возвращение праху (разрушенным телам) жизни, сознания, души есть высшая ступень, или степень способности, знания и воли, управления и самоуправления. Возвращение жизни умершим и создаст существа бессмертные, неразрушимые, ибо только тогда, когда станет не возможным только (что всегда было), но доказанным, т. е. действительным, воспроизведение из безжизненного вещества жизни, только

тогда жизнь и получит высшую гарантию» [11, с. 186]. Если не принимать буквально тезис Н.Ф. Фёдорова о «возвращении жизни умершим», то сама идея о том, что способность воспроизведения из «безжизненного» (неорганического) вещества жизни есть не что иное, как *высшая гарантия и высшее утверждение жизни*, представляется гениальной догадкой и гениальным предвосхищением трансгуманистического проекта реализации «функций» сознания/жизни на небиологическом субстрате [2].

Фёдоров говорит о двух типах отношения разумных существ к «неразумной» природной стихии.

1. «Теоретическое», или *мнимое*, господство над природою. Такое *мнимое господство* над природою по факту является *действительным подчинением* ей: «Это значит, что в теории признают превосходство разумных существ над неразумною силою, а в действительности мирятся с зависимостью от неразумной силы и на практике не только ничем не проявляют своего превосходства над неразумною силою, а, напротив, находятся в полном у нее подчинении. Также недействительно, т. е. неправильно, отношение к природе и тех, которые ограничиваются лишь кабинетными опытами и приложением их к фабричной, заводской и т. п. деятельности, к эксплуатации и утилизации» [11, с. 482].

2. Регуляция естественного процесса (слепой силы природы). Регуляция «есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе», это «обращение рождающей и умерщвляющей силы в воссоздающую и оживляющую». «Регуляция природы – не барство (т. е. не подчинение природы капризу, произволу) и не своеволие (эксплуатация), а внесение в природу воли и разума. Человек и будет управлять приро-

дою, когда между людьми не будет розни, когда не своелюбие, а доброволье они будут вносить в мир и когда, следовательно, станут орудием Божественной воли. У человека, как существа разумного, есть один только враг – это слепая сила природы; но и этот враг лишь временный и станет другом вечным, когда между людьми не будет вражды, а будет соединение в познании и управлении ею, слепую силою природы, которая казнит за невежество» [11, с. 482].

Как видим, Фёдоров особенно подчёркивает, что регуляция природы – это не *эксплуатация* природы, не *подчинение* природы человеческой воле и человеческому своеволию (произволу), это внесение в природу *разума, очеловечивание ее*. Человек же, согласно Фёдорову, только тогда может претендовать на звание «разумного существа», когда он включен в «общее дело» регуляции природы.

Бессмертие в связи с проектом «регуляции природы» следует определить как способность управлять разрушительными силами как в самом человеке, так и вне его: «Если бы человек управлял силами, которые делают и разрушают, он был бы бессмертен» [11, с. 509–510]. Как отмечает С.Г. Семёнова, «глубина фёдоровского подхода в том, что он не мыслит себе задач метеорической, космической регуляции без одновременной регуляции внутренней, психофизиологической» [8, т. 1, с. 19].

Н.Ф. Фёдоров подчеркивает неразрывную связь рождения со смертью: рожденное для него тождественно *смертному*. Природа как *сущее* есть рожденное и смертное, рождающееся и умирающее. Рождению/умиранию Фёдоров противопоставляет регуляцию природы и восстановление (воскрешение) умершего: «Вещь (природа) будет для нас явлением исчезающим, пока она

будет рождаться, происходить помимо нашего сознания и воли. До тех пор мы не будем знать ни себя, ни внешнего мира, до тех пор невозможно и взаимознание, пока материя, не проникнутая светом, действием, будет стоять между нами как сила разъединяющая и нас самих превращающая в явления. Одно восстановление исчезнувшего, обращение его в сознающее и действующее есть доказательство, полное знание и прочное, бессмертное существование» [9, т. 1, с. 113].

В текстах Фёдорова часто встречается мысль о том, что «природа», «природное бытие» (в устоявшемся и «усредненном» значении) вовсе не есть нечто *естественное*. Скорее, наоборот, порядок, при котором оборотной стороной жизни является смерть, оборотной стороной рождения – умирание, есть нечто *противоестественное*, это *извращение* исходного и подлинного порядка бытия. Поэтому Фёдоров так часто говорит об «*извращении* мира в природу». Это «извращение» проявляется в четырех основных аспектах: «1-е – последовательность вместо сосуществования, 2-е – распадение или отсутствие регуляции, 3-е – личности, обратившиеся в орудия, и органы, обратившиеся в особи; и 4-е – общество по типу организма вместо общества полнооργανных существ» [9, т. 1, с. 303]. Однако это состояние не является окончательным и безальтернативным, ведь «кроме слепой силы существует и разумная, хотя бы и на одной только земле, и между человеком и природою нет противоположности, разъединение же их временно, а потому устранение этого извращения, восстановление жертв этого извращения – задача человека, смертного, сына умерших отцов» [9, т. 1, с. 303].

В свете фёдоровской идеи полнооργανности вся природа предстает как *мате-*

риал для конструирования «органов» человеческой личности. «Полноорганное существо – это человек, который совершил, сотворил себя, то есть уже самостоятельный, совершенный и “совершеннолетний”. Поэтому, ставя перед собой цель достигнуть совершеннолетия, человечество будущего с необходимостью должно будет заняться “естественным тканетворением, ... органосозиданием”. С помощью этих органов или способов, средств он будет перемещаться и добывать себе в пространстве вселенной материалы для построения своего организма» [6, с. 86]. Сказанное ни в коей мере не означает «эксплуатации природы», ибо эксплуатируют и «покоряют» всегда *чужое*, природа же (как *совокупность существ*, а не как *определённый смертию порядок бытия*) не есть нечто чужое. Природа, как неоднократно подчёркивал Фёдоров, есть нам враг *временный*, а друг – *вечный*. Разделение «человеческого мира» и «мира природы» вообще имеет смысл только до тех пор, пока природа остается царством, в котором правит смерть [7, с. 173]. Преодоление смерти через обретение полноорганности будет означать конец разделения на «человеческий» и «природный» мир, приведшее человечество к экологической катастрофе.

Говоря о природе как о совокупности всего спонтанно рождающегося и умирающего, Фёдоров замечает, что «человек *берет дань* с этого царства, без коего и жить, понятно, не может, но *не владеет им*; человек только грабит некоторые области этого царства, а с другими борется как с равными, вместо того чтобы вносить в это царство свет сознания» [9, т. 1, с. 302] (курсив мой. – И.Д.). В этом фрагменте четко представлена суть фёдоровского проекта «регуляции природы». Человек техногенной цивилизации *берет дань с природы и грабит ее*

вместо того, чтобы *владеть* ею, *просветлять* и *просвещать* ее.

Человек техногенной цивилизации («новоевропейский субъект») исходит из того, что все существующее существует для него, для удовлетворения его так называемых «потребностей» и жажды власти. Типичность такой установки в настоящее время очевидна. Но и противоположная установка, представленная так называемым «экологическим мышлением» и предполагающая минимизацию человеческого вмешательства в «естественные» процессы природы, также нереализуема. Фёдоровский проект «регуляции природы» преодолевает крайности «технизма» и «экологизма». Фёдоров примиряет крайности технизма и экологизма. С одной стороны, он рассматривает всю природу (всю совокупность «природно сущего») как объект и поле приложения человеческих сил (соответственно, техники) как предмет *регуляции, управления, упорядочивания, преобразования, трансформации*. Речь идет не только о природе, которая вне человека («окружающая природная среда»), но также и о природе, которая *в самом человеке* (организм человека). С другой стороны, Фёдоров исходит из принципиального единства человека и природы. Природа не противостоит человеку как *внешний* по отношению к нему объект, но человек и не является просто «частью», фрагментом природы. Человек – это *разум* или *самосознание* природы, и его предназначение заключается в *очеловечивании* природы. «Только обращением слепой силы из носящей вражду и смерть в управляемую разумом и в живородящую внемирное (дух и разум, чувство) войдет в Мир и Мир станет миром, трансцендентное станет имманентным, и материя, правимая разумом, станет сознательной, активной, смерти не производящей силой» [9, т. 2, с. 103].

Задача человека, согласно Фёдорову, заключается в том, чтобы превратить весь природный мир в средства и способы собственного и *собственно человеческого* существования. Это и будет означать достижение полноорганности и, соответственно, бессмертия. Но в то же время для Фёдорова неприемлемо умонастроение, согласно которому всё существующее существует *для человека*, для удовлетворения его прихотей и так называемых «потребностей». «Природа» как регион сущего не противопоставлена человеку как объект его познания и практической деятельности. «Природа» — это в известном смысле *состояние* самого человеческого бытия, господствующий и определяющий, но все же не единственный модус, в котором разворачивается человеческое существование. До тех пор, пока победа над смертью (то есть преодоление природы как *порядка рождений и смертей*) не стала целью человеческого существования, само это существование не может в полном смысле слово именоваться *человеческим*.

Таким образом, проект «регуляции природы» Фёдорова дистанцируется как от технократического новоевропейского проекта покорения и эксплуатации природы, так и от разного рода «экологических» проектов невмешательства в природу (или минимизации такого вмешательства). В русском космизме преодолевается порожденная новоевропейской цивилизацией полярность в оценке природы (как «храма» или «мастерской»).

«Преодоление смерти» и «регуляция природы» в философии Н.Ф. Фёдорова и в русском космизме в целом — это два выражения для обозначения одной и той же идеи. Смерть, смертность человеческого существа — это следствие *включенности* человека в природный порядок бытия, в порядок рождений и смертей. Человек может

сколь угодно точно «познавать» природу или сколь угодно эффективно ее использовать или эксплуатировать, но это не отменяет фундаментального факта включенности человека в природный процесс, факта его смертности. «Природа» останется господствующим и определяющим модусом человеческого существования, пока познание и практическая деятельность человека не поставят своей целью победу над смертью. И наоборот: смерть останется базовой константой человеческого бытия и будет определять «удел человеческий» до тех пор, пока «регуляция природы» не станет общим делом всех разумных существ.

Литература

1. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). — М.: Наука, 1989. — 208 с.
2. Дубровский Д.И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. — 25 октября 2012.
3. Муравьев В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. — М., 1998. — 320 с.
4. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3 / под ред. В.С. Стёпина. — М.: Мысль, 2001. — 692 с.
5. Новые технологии и продолжение эволюции человека. Трансгуманистический проект будущего / отв. ред.: В. Прайд, А.В. Коротаев. — М.: Изд-во АКИ, 2008. — 320 с.
6. Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. — М.: ИФРАН, 1999. — 210 с.
7. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Фёдоров. — М.: Пашков дом, 2004. — 584 с.
8. Семёнова С.Г. Философия воскрешения / Н.Ф. Фёдорова, С.Г. Семёнова // Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. I. — М.: Прогресс, 1995. — С. 5–33.
9. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. I [сост., подготовка текста и комментарии

А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой]. – М.: Прогресс, 1995. – 518, 540 с.

10. Федоров Н.Ф. Сочинения / [вступ. ст., прим. и сост. С.Г. Семеновой]. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.

11. Чуев С.И. Человек и природа / С.И. Чуев, Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. вторая [сост.: А.Г. Гачева, С.Г. Семенова]. – СПб.: РХГА, 2008. – С. 361–364.

THE INTERPRETATION OF NATURE IN THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN COSMISM

I.V. Demin, N.M. Bogdanova

Samara State Aerospace University,
Samara State University

ilyadem83@yandex.ru, bo-na-mi@yandex.ru

The interpretation of the concept of nature is considered and analyzed in the article; its relation with the idea of immortality is discovered. The author compares the idea of immortality in Russian cosmism with transhumanistic project of anthropo-construction.

The concept of “nature” has two main meanings in the philosophy of Russian cosmism: 1) the being and the complex of all being; 2) the order or the structure of objective reality, the defining characteristics of which are the phenomena of birth and death. N. F. Fedorov highlights the inextricable link of birth and death: the nature as the being is something born and mortal and something that is being born and something that is being dying. There is no difference between the inner and the outer nature, between the nature of the “outside a person” and the nature “inside a person” in the philosophy of Russian cosmism. The words “Nature” and “natural” in Russian cosmism, contrary to the current practice of usage, are not identified with “inartificial” (and “essential”), but they are opposed to them. The death is natural in the sense that it is the reverse side and a consequence of birth, but it is not inartificial, it does not come from “essence” or the being of a man. Hence the main moral imperative of Fedorov’s philosophy is the fight against death and the acquisition of immortality. The “regulation of nature” is the concrete way of gaining immortality. The “regulation of nature” is the ability to manage spontaneous destructive forces both inside a person and outside him/her. The “regulation of nature” is aimed at transformation of the natural order of existence. The extremity of technocracy and ecologism in understanding of the nature and in the evaluation of the transformative nature of human activity are being overcome in the Russian cosmism. Many of the key philosophical ideas of Fedorov and other members of the Russian cosmism are accordant with the modern transhumanism.

Keywords: nature, Russian cosmism, the idea of immortality, the regulation of nature, transhumanism.

References

1. Ahutin A.V. *Ponjatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremja («fyusis» i «natura»)* [The concept of “nature” in antiquity and in modern times (“fyusis” and “nature”)] Moscow: «Nauka» Publ., 1989. 208 p.

2. Dubrovskij D.I. *Kiberneticheskoe bessmertie. Fantastika ili nauchnaja problema?* [Cybernetic immortality. Fiction or scientific problem?] Vzgljad. 25 oktjabrja 2012.

3. Murav’ev V.N. *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publicisticheskie proizvedenija* [Mastering time. Selected philosophical and journalistic works VN Ants]. Moscow; Moscow Publ., 1998. 320 p.

4. *Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 tt. T. 3 pod redakciej V.S. Stjopina.* [New Encyclopedia of Philosophy: In 4 vols. Volume 3, edited by VS Stepin.] Moscow: Mysl’ Publ., 2001. 692 p.

5. *Novye tehnologii i prodolzhenie jevoljucii cheloveka? Transgumanisticheskij proekt budushhego* [New technologies and the continued evolution of man?]

Transhumanist Future Project holes.] отв. ред. V. Prajd, A. V. Korotaev. Moscow: LKI Publ., 2008. 320 p.

6. Olejnikov Ju.V., Onosov A.A. *Noosfernyj projekt socioprirodnoj jevoljucii* [Anthroposphere project of social and natural evolution of] Moscow: IFRAN Publ., 1999. 210 p.

7. Semenova S.G. *Filosof budushhego veka: Nikolaj Fedorov* [Semenov next century philosopher Nikolai Fedorov] Moscow: Pashkov dom Publ., 2004. 584 p.

8. Semjonova S.G. *Filosofija voskreshenija N.F. Fedorova*. *Sobranie sochinenij: V 4-h tt. T. I.* [Semenov philosophy resurrection NF Fedorova. Collected Works: In 4 vols. T. I] Moscow: «Progress» Publ., 1995. P. 5 33.

9. Fjodorov N.F. *Sobranie sochinenij: V 4-h tt. T. I (cost., podgotovka teksta i kommentarii A.G. Gachevoj i S.G. Semenovoj)*. [Collected Works: In 4 vols. T. I (cost., Preparation of the text and comments Gachev AG and SG Semenova)] Moscow: «Progress» Publ., 1995. 518, 540 p.

10. Fedorov N.F. *Sochinenija* (vstp. st., prim. i sost. S. G. Semenovoj). [Works (GSTP. Art. approx. and Ed. SG Semenova).] Moscow: “Mysl” Publ., 1982. 711 p.

11. Chuev S.I. *Chelovek i priroda pro et contra: V 2 kn. Kn. vtoraja (sost. A.G. Gachevoj, S.G. Semenovoj)* [Man and Nature pro et contra: In 2 books. Proc. second (Ed. AG Gachev, SG Semenova)]. Saint-Petersburg : RHGA Publ., 2008. P. 361–364.